

ГУРЕВИЧ ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ

Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журналов «Философия и культура» и «Философская антропология»

E-mail: gurevich@rambler.ru

УДК 17.023.1

МОЖЕТ ЛИ РАЗУМ БЫТЬ НАВИГАТОРОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Аннотация. Трактовка человеческой разумности — одна из насущных тем неклассической антропологии. В рамках классического постижения человека разум рассматривался как высшая познавательная способность людей, как великое чудо природы. Это привело к диктату рациональности, пониманию разумности как надёжного поводыря человечества. Грядущая судьба людей связывалась с дальнейшим раскрытием интеллектуальных способностей человека, с объяснением тайн мозга. Однако эти положения подверглись сомнению в связи с рождением новой научной парадигмы. Прежде всего, началась «десакрализация мозга». Исследователи разных отраслей науки обнаружили в мозге массу дефектов, связанных с его устройством. Так возникло множество новых философских вопросов: одинаковы ли формы ментального освоения мира? Всегда ли именно сознание венчает наиболее продуктивное постижение мира? Точно ли, что ментальность есть порождение длительного эволюционного маршрута? Сходны ли представления других мыслящих созданий иных миров о картине Вселенной? Историческая практика показывает, что разум вряд ли может быть безошибочным навигатором человечества. Следует ли поэтому искать внутренние возможности мозга или необходимо срочно «обогатить» его техническим ресурсом?

Ключевые слова: разум, мозг, сознание, разумное существо, рациональность, бессознательное, интуиция, когнитивные схемы, «химия» интеллекта, «шизофизиология», запредельный мир, неклассическая антропология.

© Гуревич П. С. 2018

Pavel S. Gurevich

CAN REASON BE A NAVIGATOR FOR MANKIND?

Abstract. Interpretation of human reasonableness is one the urgent themes of nonclassical anthropology. Classical understanding of man interpreted mind as the highest human cognitive ability, as a great wonder of nature. This resulted in dictate of rationality, understanding of reasonableness as a reliable guide for humankind. The future destiny of humans was related to further discovery of man's intellectual abilities, of mysteries of the brain. But these propositions were called into question in connection with the birth of a new scientific paradigm. First of all, «desacralizing of the brain» began. Researchers in various fields of science discovered a large amount of defects in the brain associated with its structure. Hence, many new philosophical questions appeared: Are forms of mental cognition of the world similar? Is it exactly the mind that always crowns the most productive cognition of the world? Is mentality really an outcome of a long evolutionary route? Do other thinking beings of other worlds have similar ideas about the picture of the world? Historical practice shows that reason can hardly ever serve as a reliable guide for humankind. Therefore, shall we look for inner brain potential or urgently «enrich» it with a technical resource?

Keywords: reason, brain, mind, reasonable being, rationality, unconscious, intuition, cognitive schemes, intellectual «chemistry», «schizophysiology», world beyond, nonclassical anthropology.

DOI: 10.32691/2410-0935-2018-13-13-26

Разум в классической трактовке

Может ли разум быть поводом для человечества? Классической антропологии ответ на этот вопрос казался очевидным. И. Кант рассматривал разум как высшую познавательную способность человека. В «Критике чистого разума» он рассуждал о страсти к расширению знания, которая настолько пропитана доказательством могущества разума, что не признаёт никаких границ в стремлении к истине. Разум – великое чудо природы. Он позволяет человечеству постигать суть вещей, проникать в тайны Вселенной, перестраивать мир. Человечество рассчитывает на ещё не раскрытые ресурсы разума. Кант всё же полагал, что человеческое сознание не в состоянии дать зеркальное отражение внешнего мира. Но философ наставлял: «Имейте мужество пользоваться собственным умом». Кант допускал приблизительность наших знаний об окружающей среде. Однако в могуществе разума не сомневался.

В современном толковании понятия «сознание» и «разум» не совпадают. Сознание лишь отражает внешнюю реальность, достигая или не достигая должной точности. А разум – это особый дар, кристаллизация ума, метка человеческого творения, способность к логической выверенности, луч, пронизывающий тьму и хаос. «Если человеческой природе, – писал Кант, – предназначено стремиться к высшему благу, то и мера его познавательных способностей, в особенности их соотношение, должно считаться подходящей для этой цели» [Кант 1994а: 547]. Развитие и обогащение разума – благая цель не только на Земле.

Похоже, Кант в своих рассуждениях покидал земные пределы. «Человек и вообще всякое разумное существо» [Кант 1994б: 185], писал он, фактически размышляя о существах, возможно населяющих другие планеты. Конечно,

Кант робко детализировал свои мысли об инопланетянах. «Разумные существа», по его мнению, могут иметь самое различное устройство тела и чувственности (в том числе и качественно отличное от нашего). Они могут быть летающими или ползающими, могут в отличие от нас воспринимать ультразвук и инфракрасный свет или, наоборот, быть глухими и слепыми. Состав их ощущения окажется, соответственно, принципиально иным. Но как бы они ни были устроены, у них непременно будет какой-то непосредственно чувственный контакт с миром (то, что Кант называл аффицированием); они будут воспринимать пространство как трёхмерное, а время как необратимое. Для них окажутся обязательными различие предмета и процесса, а также «чистые понятия рассудка» (категории): количества, качества, модальности [Соловьёв 2005: 28].

Если существам присуща разумность (другие твари не принимаются в расчёт), то траектории формирования этого дара должны совпадать или быть похожими, определённая организация сознания, согласно Канту, обязательна для всех. «Один человек видит мир многоцветным, другой (дальтоник) двухцветным, третий (больной желтухой) как окрашенный в жёлтый цвет. Однако все они, независимо от состава их ощущений, воспринимают являющуюся им реальность в качестве мира предметов, размещённых в трёхмерном евклидовом пространстве. Последнее определяется Кантом как “трансцендентальная форма чувственности”. К трансцендентальным формам (но уже к формам рассудка) он, как известно, относит и категории, с помощью которых упорядочивается наш опыт. Они так же едины и общепринудительны для всех людей, сколь бы своеобразна ни была их жизненная практика» [Соловьёв 2005: 28 29].

Но для разумных существ и этого недостаточно. У них непременно возникнут нравственные нормы. Без них эти создания вряд ли смогут обеспечить собственную сохранность.

Однако, как вообще возникла эта поразительная способность разумных существ понимать и анализировать реальность? Ф. Ницше ставил этот вопрос так: «Каким образом разум вошёл в мир?». И отвечал: «Само собой, разумеется, неразумным образом, случайно» [Ницше 1991: 52]. В толковании же Канта разумность казалась вполне постигаемым феноменом. Она не могла сложиться случайно. Создания иных миров должны иметь разумность. Об этом свидетельствует настойчивость и изошрённость эволюции в закладывании различных предпосылок возможной ментальности как феномена. Но насколько точно разум соотносён с внешним миром?

Секст Эмпирик и Дэвид Юм считали, что мнения людей о мире могут оказаться ложными, Ницше полагал, что они все заведомо ложны. В отрицании объективности знания Ницше пошёл также дальше Канта. Реальный мир в трактовке Ницше представляет собой непрерывный хаотический поток бытия, любая попытка познать его заведомо обречена на неудачу; закономерный мир причинно-связанных вещей – фикция, созданная для практических целей, поэтому задача познания сводится только к схематизации, к попытке упорядочения и формализации хаоса в соответствии с нашими прагматическими потребностями.

В отличие от Канта, исходившего из способности человеческого разума познать свою собственную структуру и принципы, Ницше утверждал, что внутренний мир человека не более доступен познанию, чем внешний мир, ибо тот

и другой рассматриваются через призму одних и тех же интеллектуальных форм. По мнению Ницше, тезис Юма и Декарта о том, что познание должно начинаться с анализа «фактов сознания» как более знакомых человеку, чем факты внешнего мира, лежит в основе всех заблуждений философии Нового времени.

Но что представляет эта способность, которой наделено разумное существо в иных мирах? Вряд ли можно толковать разумность как преднайдённую зрелость мысли, тождественную самой себе при любых условиях. Кант связывал эту способность не только с развитием мозга, но и с совершенствованием самого человека. Судя по всему, он не задумывался о многообразии разумности как особого природного или социального обретения.

Доподлинно ли, что миропостижение живых существ далёких планет пришло к тем же результатам, что и земная наука? «Легко можно вообразить рассказ о встрече с разумной цивилизацией, представители которой изумляются нашим словам о строении вещества: Какие такие атомы? Мир устроен совсем не так. При этом их приборы будут работать не хуже наших, но на основе физики, выстроенной совсем из *других кирпичиков*, хотя общее её здание может оказаться похожим. Так один архитектор может построить храм из песчаника, а другой – очень похожий, но из белого камня. При этом остаётся крайне интересным вопрос: на каком языке (из каких элементов построенном) могут эти две цивилизации общаться» [Кацура 2016: 156].

Восторг землян, связанный со всепроникающим постижением научной целесообразности, рождает образ мысли, который особой плёнкой («ноосферой») взметнулся над планетой и бросил вызов другим разновидностям ментальности, готовым устремиться нам навстречу. Однако одинаковы ли формы ментального освоения мира? Всегда ли именно сознание венчает наиболее продуктивное постижение мира? Точно ли, что ментальность есть порождение длительного эволюционного маршрута? Сходны ли представления других мыслящих созданий иных миров о картине Вселенной?

И после Канта философы размышляли о различных формах ментальности, которые подчиняли себе индивидуальное и коллективное поведение на уровне инстинкта, телепатии и сознания. Но формы разумности оказались совершенно неожиданными. За прошедшие десятилетия тема обрела особую актуальность. Этому содействовало формирование квантовой парадигмы, значительный ряд исследований об устройстве мозга, о так называемой «химии» интеллекта. Проблема всё явственнее обретает космический смысл. Настало время взглянуть на разум в галактической перспективе.

Итак, действительно ли разум универсален, соответствует сам себе повсеместно, одинаков ли во всех уголках Вселенной? Не станут ли для нас неожиданностью неведомые нам даже на Земле особые способы осмысленно целесообразной организации жизни? История невозможна без социальных потрясений. Социальные катаклизмы, катастрофы, революции, нищета, вынужденное рабство – всё это, как и многое другое, неизбежные события истории. Не является поэтому новостью и эсхатологическое ощущение истории.

Известны и апокалипсические пророчества, сопутствующие трагическим её страницам. История знает вулканические извержения и подземные толчки. Она, по определению, безжалостна. В её запасниках бывает и всё вместе – землетрясение, цунами и ядерный реактор, как это случилось с многострадаль-

ным японским народом. Цивилизации рождаются, живут и умирают. История человечества – это чередование культур, каждая из которых расцветает, проживает свою неповторимую судьбу и уступает место другим, порождая гигантские цивилизационные сбросы и исторические разломы.

Можно ли установить контакт с носителями предельно абстрактной или символической мысли? Эксперты утверждают, что люди античности не воспринимали полный спектр цветовой гаммы. Как объяснить представителю этой культуры, что такое оранжевый цвет? Как растолковать неандертальцу тайны самолётовождения? Ментальные коды не совпадают. Да и ментальности не являются тождественными.

Американский фантаст Роберт Шекли в рассказе «Верный вопрос» рисует парадоксальную картину. На некоей планете построен Ответчик. Он знает ответы на все вопросы, которые могут быть заданы ему. Надо только добраться до этого сооружения и обратиться к нему с нужным запросом. Обнаруживается также неожиданная сложность. Вопрос должен быть задан правильно. А что это означает? Ответчик не может удовлетворить любопытство человека, если вопрос сформулирован без учёта универсального знания. В этом случае Ответчик просто не может отозваться на ментальную систему того, кто обратился с вопросом. В рассказе говорится:

«Внутри него находились ответы. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и зачем они есть, и что всё это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же ещё делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили» [Шекли 1998: 196].

Наконец, к Ответчику приближаются гости. Один из них, физик Морран не испытывал недостатка в вопросах расширяющейся Вселенной, ядерных сил, «новых звёзд». «Подумать только!», – думал он с восхищением. – Ответ на любой вопрос!».

Другой пришелец, Лингман, был биологом, и он хотел задать только два вопроса: «Что такое жизнь? Что такое смерть?». Что же он услышал в ответ?

«– Вопрос лишён смысла. Под “жизнью” Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

– Частью какого целого является жизнь? – спросил Лингман.

– Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий всё ещё рассматривает “жизнь” субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

– Ответ же в собственных терминах, – сказал Морран.

– Я лишь отвечаю на вопросы, – грустно произнес Ответчик» [Шекли 1998: 208].

Кризис прежних представлений

Крушение классических представлений о разумности имеет множество предпосылок: обнаружение специфических форм ментальности на Земле, разочарование в мозге как уникальном творении, диктат рассудочности, рождение неклассической антропологии.

Поразительные формы разумности исследователи обнаруживают в мире насекомых. Стойкие социальные суперорганизмы существуют только в природе.

Так, энтомологи с огромным энтузиазмом пишут о цивилизации термитов. Уклад белых муравьёв сложился за сто миллионов лет до появления человека на нашей планете. Эта древнейшая из известных цивилизаций, полагают некоторые социальные мыслители, самая интересная, самая сложная, самая разумная и, в определённом смысле, самая логичная и лучше всего приспособленная к трудностям коллективного существования. Она появилась задолго до человеческой цивилизации. Исследователи пишут, что, несмотря на жестокость, мрачность и даже омерзительность, такой жизненный уклад стоит выше цивилизации пчёл, муравьёв и самого человека.

Эксперты бросают колкие реплики прежним утопистам, которые ищут социальный идеал на границах, где угасает воображение. А в это время, мол, у нас под носом существуют цивилизации, хотя и фантастические, но весьма, по их мнению, продуктивные. Они даже заявляют, что люди могут столкнуться с таким социальным укладом где-нибудь на Марсе, Венере или Юпитере. Мысль исследователей сводится примерно к такому суждению: если природа не дала живому существу особых преимуществ в процессе выживания, то есть шанс восполнить свою незащищённость удачной формой социальной организации. У термитов, к примеру, нет жала, как у пчелы, нет отличной хитиновой брони муравья. Между прочим, он самый безжалостный враг термитов. У него нет крыльев, а если есть у некоторых особей, то очень слабые, позволяющие «долететь» лишь до гекатомбы. Термит неповоротлив, не может спастись бегством. Все жаждут его сочной плоти – птицы, рептилии, насекомые. В чём-то его ситуация сходна с человеческой. Ведь природа по отношению к человеку тоже проявила несправедливость, многим его обделила. Термиты, как и люди, обладают лишь одним преимуществом: они имеют разум.

Исследователи подчёркивают, что нет ничего более поразительного и фантастического, чем архитектура жилищ, которые строят термиты. Причём она меняется в зависимости от территории, местных условий и даже имеющихся материалов. К. Маркс считал, что любое животное может реализовать только ту программу, которая записана в инстинкте. Но гений термитов способен творить при любых обстоятельствах. Если сравнить сооружения этих особей с человеческим масштабом, то окажется, что таких гигантских зданий люди никогда не строили. Их агломерации издали кажутся огромным городом. Но вот что поразительно. Морис Метерлинк в своё время описал улей как пример идеальной социальной организации. В улье есть рабочие пчёлы, расплод, трутни и матка. В термитнике же царит удивительный полиморфизм. В улье правит бал полный матриархат. В термитнике же «придуманно» добровольное оскопление. Там есть две касты рабочих, солдаты.

Можно условно считать такое общежитие коммунистическим, экологически чистым – как угодно. Но правомерно ли называть это разумом? Можно, очевидно, подобрать другие слова – созидательная сила, гений вида или природы. Эти термиты изобрели оружие, непобедимое для своих врагов. Человек сумел обрести силу с помощью внешних орудий. Термиты же выковали оружие в собственном теле, извлекли его из самих себя.

Можно припомнить концепцию американского социолога Льюиса Мамфорда, который считал, что люди упустили реальную возможность создать биологическую цивилизацию. Они предпочли камень, порох, пилу. На это

у людей ушли долгие тысячелетия страха и горя. Термитники представляют собой сложную социальную организацию. Но кто правит в термитнике на самом деле? Кто отдаёт приказы, предвидит грядущее, строит дальнедействующие планы, восстанавливает утраченное равновесие, ведёт разнохарактерную управленческую деятельность? Наконец, кому принадлежит право осудить на смерть другие особи? Такие общественные функции вряд ли коренятся в инстинкте. Может быть, здесь можно фиксировать своеобразное преодоление инстинкта, простейшие формы разумности?

Парадокс в том, что в термитнике власть принадлежит не царям и не воинам. Подлинными хозяевами этой формы социальной жизни оказывается «толпа». Мудрые особи и воины отстранены от управления. Для сравнения – в человеческой истории не было такой демократической республики. Термитник при такой организации может простоять целые столетия. В истории человечества демократия постоянно «перерождается» либо в тиранию, либо во власть хаоса. Об этом писали уже античные философы. Но Платон, как известно, полагал, что власть должна принадлежать мыслителям, а воины должны лишь охранять власть. Социальные философы убеждены в том, что самые идеальные формы общественной организации созданы людьми, обладающими разумом. Но природа раскрывает перед нами самые невероятные способы социальной жизнедеятельности. Лишь за последние десятилетия исследователи обратились к этому невероятному арсеналу возможного коллективного бытия. Так выглядит модель социальной организации, которая не стремится к социальным переменам.

Проблема термитника кажется посторонней для философской антропологии. Даже её неклассическая версия, к сожалению, далека от проблем, которые сопряжены с исторической судьбой человечества. К сожалению, философская антропология сегодня стала умышленно рафинированной, поглощённой множеством метафизических изысков. Закрученность антропологической мысли привела, в конечном счёте, к устранению самого предмета философской антропологии – человека. Объявив крамолой всякую попытку целостного постижения человека и его проблем, многие эксперты занялись отвлечённой реконструкцией потомка Адама, разработкой различных траекторий человеческого бытия, призывая к освоению древних и новых духовных практик. Продуктивное по замыслу искание новой онтологии человека превратилось в маргинальные пометки на полях классических философских концепций. Если соотнести современные философско-антропологические трактаты с реальной жизнью людей, то невольно возникнет ощущение, что в этих трудах речь идёт не о землянах, а о пришельцах с иной планеты.

Неразумие

Человек обладает разумом, но он неразумен. Потомок Адама имеет воображение, но это всего лишь один из его даров, не дающий права называть человека лишь служителем грёзы. Разум в той же мере выступает лишь как возможность человека. Он не устраняет глупость, слабоумие, тупость, если воспользоваться классификацией Гегеля. Ницше не считал рациональность всеохватной. Он писал о том, что лежит за пределами целей и намерений: «Греки называли это царство бессознательной, вечной неразумности – судьбой, и как

горизонтом, окружали ею своих богов; и за пределами этой линии их боги не могли ни действовать, ни видеть» [Ницше 1991: 55].

Ницше ставил под сомнение философскую уверенность, что выявленные рассудочные закономерности лишь создают иллюзорную уверенность в том, что мы имеем дело с целесообразностью и разумностью. «Может быть, наши волевые акты, наши цели не что иное, как такое бросание игральные костей, и только благодаря нашей ограниченности, нашей гордости, мы не понимаем своей ограниченности: что мы сами трясём железными руками зерновой кубок, что мы сами при всех своих даже наиболее рассчитанных намерениях только играем в игру необходимости» [Ницше 1991: 55].

Антропологический ресурс человека неистощим, но он не исчерпывается рациональностью, разумностью. Его исток не только сознание. Культура всеохватна. Многие её формы рождены бессознательным пластом человеческой психики, наитием, игрой воображения, эмоциональной отзывчивостью. Когда мы рассуждаем о культуре, прежде всего, подчёркиваем её рациональное содержание. Если бы человек не обладал разумом, то, судя по всему, не было бы и культуры. Это, впрочем, мысль И. Канта. «Если бы в отношении существа, обладающего разумом и волей, истинной целью природы было бы сохранение его, его преуспевание – одним словом, его счастье, то она распорядилась бы очень плохо, возложив на его разум выполнение этого своего намерения» [Кант 1994б: 163]. Чтобы удовлетворять природные потребности человека, по мысли Канта, разум не нужен. Но вот чтобы сложилась культура, без разума, как говорится, никак. Величественные произведения культуры рождаются по аналитическому расчёту, как рождение смысла и вдохновения. Философский трактат, научное сочинение, богословский текст или прозвучавший «Реквием» закономерно рассматриваются как порождение человеческого рефлексивного сознания.

Культура родилась в те далёкие времена, когда пробивались первые ростки разумности, возникали смутные образы понимания мира, складывались зыбкие критерии осмысления окружающего. И этот опыт не был нелепым, чуждым, затуманивающим ум. Это были ошеломительные прорывы сознания, глубинные наития. Об этом пишет русский философ М. Гершензон: «Лишь за семь или восемь тысячелетий нам брезжит первый свет и слышны первые смутные шорохи, а позади, в глубине веков, – сумерки и безмолвие. Но так люди жили и мыслили так же, как мы, и в многократный срок развития, предшествовавший нашей культуре, был добыт весь существенный опыт человечества. К тем познаниям позже ничего не прибавилось, как неизменен издревле и поныне и телесный состав человека. Первобытная же мудрость содержала в себе все религии и всю науку. Она была как мутный поток протоплазмы, кишасший жизнями, как кудель, откуда человек до скончания времён будет прясть нити своего отдельного знания» [Гершензон 2015: 213].

Итак, что же является истоком человеческого поведения? Обнаружения разума, бурлящая человеческая страсть, молитвенная погружённость, медитативная отрешённость, мощные потоки жизни, пучины бессознательного? Современная философия давно уже произвела необходимые критические расчёты с просветительскими иллюзиями. Многие исследователи сегодня считают, что очищенный, дистиллированный разум оказывается малонадёжным в позна-

нии и опасным в социальной практике. Разум постоянно упрекают не только в гносеологизме, но и в непререкаемости чисто рассудочных императивов. Современные нейронауки доказательно показывают, что не существует «чистого» разума. В нём пробиваются витальные порывы, магма бессознательного, обнаруживается сама человеческая природа, далёкая от идеализации. Вся человеческая история свидетельствует о напряжённой попытке понять человека. Освоение разумных возможностей человека, культивирование потенциала интеллекта – лишь один из вариантов креативности человека.

Не случайно в конце минувшего века философы заговорили об ущербе самого разума. Это апофатическое открытие вовсе не предполагает благословения иррациональности как воплощения зла. Но следует ли видеть антитезу разуму там, где она отсутствует по определению? Разум, который агрессивно культивирует только себя, отвергает эмоции, воображение, интуицию, в конечном счёте, вырождается и доводит человечество до катастрофы. Нет оснований отважное исследование потенциала сознания, его спектров толковать как безумие. Сумасшедшим можно назвать человека, который отказывается от авантюры ума, не исследует глубины абсурда, капитулирует перед неистовством интеллекта. Но человеческая природа не только рациональна.

«Непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся в семнадцатом веке, – пишет Джон Сол, – дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других – так или иначе признанных – характеристик человека – духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции, воли и самое главное – опыта. Это постоянное выдвигание разума на передний план продолжается и в наши дни. И оно уже достигло такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их важность» [Сол 2006: 23].

Философы всё чаще начинают подчёркивать ограниченность разума и его неспособность быть ориентиром поведения в ситуации вселенского хаоса. Наконец, в постмодернизме обнаруживается неумеренное увлечение алогичностью. Но ведь бесспорно, что человек является единственным на свете существом, которое может жить в ситуации абсурда, в которой сочетается несочетаемое. Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни – и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов? Неужели нужно доказывать, что погружение в пучины бессознательного постоянно вооружает нас новыми смыслами, идеями, озарениями?

Хорошо существовать в мире классической разумности. Но накаты жизни разбиваются о её пределы.

Однако, когда классическая трактовка разума подверглась критике: нейробиологи разочаровались в устройстве мозга, философы – в рационалистической традиции, психологи – в диктате бессознательного, мы по-прежнему предлагаем человеку чисто рассудочные схемы. Любой момент в жизни человека философские антропологи объясняют неким мыслительным достижением древнего умопостижения. Возьмём в качестве примера книгу недавно

ушедшего от нас крупнейшего отечественного аналитика А. А. Пелипенко. В своих работах он пытается понять, как соотносятся между собой когнитивные схемы сознания и надындивидуальные конструкции культуры [Пелипенко 2017].

В нашей философской традиции появление культуры связывают с возделыванием почвы. Соответственно сама культура трактуется в русле хозяйственных забот, прагматики и пользы. Однако есть и другое этимологическое толкование культуры. Оно связано со словом культ, рождённым в архаические времена. Потребовались немалые усилия и, пожалуй, интеллектуальная отвага, чтобы вывести культуру в философском горизонте из сферы хозяйствования в сферу духа. А. А. Пелипенко начинает своё исследование с анализа мифоритуальной системы – первой из двух полностью реализовавшихся в истории культурных макросистем. Смыслогенетический подход, предложенный А. А. Пелипенко, обладает методологическим и парадигматическим своеобразием.

Главный вопрос, который в данном случае может интересовать философских антропологов – почему запредельный мир ворвался в жизненную рутину наших предков и радикально изменил их существование? Ответить на этот вопрос означает отыскать опору для постижения человека, его природы и предназначения. Поворотный рубеж в судьбе далёких предков, несомненно, был связан не только с ментальными навыками, но и с экзистенциальным трепетом, эмоциональными потрясениями, интуитивными прозрениями. Искание ответа лишь в рассудочной сфере не позволяет выйти за пределы рационалистической европейской традиции, оставаясь в рамках классической антропологии. Прорыв в трансценденцию невозможен лишь через когнитивные схемы сознания.

Человек, погружённый в конкретную культуру, вовсе не растворён в ней. Он оберегает сохранность своего экзистенциального существования и не всегда способен отчётливо выразить их суть. «Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит, тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить» [Достоевский 1989: 222]. Князь Мышкин не спорит о Боге, потому что невозможно доказать, что открылось ему в тишине и глубине. «Увидеть “то” – значит увидеть сквозь этот смертный мир его бессмертную суть, вечность сквозь время, смысл сквозь бессмыслицу. Можно ли это понять и доказать тому, кто видит и чувствует не так, как вы?» [Миркина 2017: 8].

О трепетных, уникальных состояниях человека А. А. Пелипенко толкует с солидной рассудочной нагрузкой. Читаем: «Немалую пользу, однако, могут принести отдельные реконструкции, проливающие свет на устойчиво воспроизводящиеся в культурных традициях медиационные режимы вкупе с их смысловыми контекстами. При том, что ПМ совершается человеком чуть ли не на каждом шагу и любой из них может служить материалом для анализа, в Культуре имеется класс медиационных ситуаций, имеющих фундаментальное значение. Таковы все экзистенциально значимые ситуации перехода, и прежде всего между ЭМ и психосферой. Переход этот предстаёт в широком ряду особых семантически отмеченных ситуаций и культурно-смысловых контекстов, которые тесно меж собой переплетаются в историческом бытии культур» [Пе-

липенко 2017: 103]. Если этот текст не является калькой с торгово-багажной квитанции, то пусть меня уволят из Таможенной службы!

А. А. Пелипенко не разделяет все популярные сегодня концепции неклассической антропологии. Действительно, в наши дни философская антропология утратила свой предмет. Отрицание человеческой природы, даже на уровне обобщающего понятия, убеждение в том, что у вещей нет сущности, приводит к выхолащиванию образа человека. Культ различия «узаконил» господство эмпирических методов. Накопив множество конкретных фактов, эмпирики не в состоянии ответить на вопрос «почему?». Исследователи сознательно уклоняются от интерпретации.

Однако, как показывает А. А. Пелипенко, культура не выводится из биологии. Он пишет: «Пока, наконец, сказать прямо: грандиозный пласт культуры, отражающий отношения человека с *запредельным миром*, основан не на произвольных измышлениях, предрассудках или ложных представлениях, а на самом что ни на есть действительном опыте» [Пелипенко 2017: 21]. По мнению исследователя, в отличие от инстинктивных действий животных в основе любых осмысленных поступков человека лежат не абстрактные потребности как таковые, а когнитивные схемы. Роль познавательных матриц в порождении культуры неоспорима. Действительно, любые культурные инновации не выводятся напрямую из потребностей как таковых. Однако столь привычный для европейской философии культ когнитивизма не позволяет раскрыть многообразие экзистенциальных состояний человека. Рождение культуры, по моему убеждению, коренится не только в рациональных схемах. Огромную роль играет также интуиция и мир эмоций. Выключение этих факторов, связанных с внутренними переживаниями человека, как раз и ведет к вульгарному рационализму.

Литургическая стройность рассуждений А. А. Пелипенко обеспечивается во многом мыслительными конструкциями. Но насколько правомерно такая абсолютизация умственных способностей человека? «Реконструкция когнитивных схем от мыслительных техник к ментальным структурам и далее к социокультурным практикам и отдельным культурным феноменам в смысло-генетической теории имеет, как уже было сказано, ключевое значение для исследования любых исторических контекстов. Для каждого из них требуются особые познавательные режимы и настройки – в ином случае и без того неустраиваемая до конца модернизация достигнет такого уровня, что сведёт на нет все результаты реконструкции» [Пелипенко 2017: 21].

Поразительно, но связь с *запредельным миром* у А. А. Пелипенко осуществляется через когнитивные схемы. И всё это с помощью рептильного мозга. Как легко и просто решается всё в пределах мысли. Логическое сведение доводов рождает иллюзию открытия. Как спокойно, оказывается, древний человек проник в *запредельный мир*. Тайна раскрыта...

Мы видим, что бесконечные расчёты с рационалистической традицией рождает всё более сложные рассудочные схемы. На эту тенденцию обратил внимание известный российский философ С. А. Смирнов. Э. Гуссерль, как известно, был увлечён идеей создания философии как науки. Он отмечал, что человек как идея понятийно ничем не отличается от математики. «Гуссерль, – пишет С. А. Смирнов, – демонстрирует ригористическую, мессианскую позицию, направленную на обновление человека и наук о человеке на основе при-

нятого им ранее идеала строгой науки. Его позиция основана на вере в истинное и подлинное сущностное представление не только о науках и философии, но и о человеке в целом» [Смирнов 2016: 164].

Изобличени е мозга

Сегодня, когда мы склонны судить о Космическом разуме, о его всепроникающей мощи, прежние представления о ментальности во многом выглядят устаревшими. Прежде всего, мозг лишился сакральности. Оказалось, что сам он при всей своей невероятной сложности по земным меркам не представляет собой идеального устройства. В нём самом наличествуют разные, эволюционно обусловленные способы восприятия реальности. Причем архаические разновидности оценки окружающей среды не утратились в ходе длительной эволюции. Человек и сегодня способен понимать действительность на уровне рептильного мозга. Разоблачение мозга ведёт целая когорта исследователей: А. Кёстлер, Г. Маркус, П. Маклин, Н. Додж, С. В. Савельев и многие другие эксперты.

Современная парадигма рассматривает сознание как атрибут всего универсума. Но мозг как проводник информационных потоков уже не трактуется как безупречно совершенное устройство. В наши дни, когда наука изучила едва ли не каждую извилину, каждую ганглию мозга, его таинственная суть не ухватывается, не раздвигает трансцендентные горизонты. Потрясает скорость передачи информации в сером веществе. Изумляет число мыслей, которые посещают буйные головы обыкновенных землян. Чаруют глубины памяти. Восхищает мощь энергии мозга, причём даже спящего. Мозг – символ неслыханных озарений, арсенал немислимого сонма идей. Его любимое занятие – креативность, творение нового и небывалого [Князева 2010].

Но чем дальше продвигались учёные в постижении мозга, тем чаще возникали разочарования. Наверное, такое смутное чувство испытали и те мужи науки, которые изобрели громоотвод. Им казалось поначалу, что они могут теперь одомашнить молнии. Но этого не случилось. Исследователи умили свой восторг и даже допустили, что шаровые молнии обладают разумностью... И всё же представление об уникальности и неприручаемости мозга стало рашатываться.

Изучение мозга, накопление прорывных знаний о нём привели постепенно к тому, что аура, окружавшая извилистое серое вещество, стала меркнуть. Исчезло волшебство – мозг оказался не чем иным, как устройством вроде машины, наподобие гаджета. Да, обладает скоростями и энергией, вместимостью и относительной универсальностью. Но люди изобрели компьютер, и это породило иллюзию, будто мозг легко поддаётся конструированию. Соревнование мозга и компьютера накопило аргументы в пользу значимости мозга. Это устройство только по первому впечатлению имеет идеальные характеристики. Однако мозг сработан грубо, шит белыми нитками. Природа трудилась долго и томительно, закрепляя в нём положительные задатки, но не справилась и вроде бы потеряла интерес к собственному чуду.

А. Кёстлер вслед за многими исследователями, в частности за американским нейрофизиологом П. Маклиным, отмечает, что человеческий мозг – жертва просчёта в конструкции, которая прокралась из-за необычайно поспешной, «взрывной эволюции», предположительно имевшей место в плейстоцене.

В ходе такого ускоренного филогенеза не успела сложиться достаточно эффективная коммуникация между «старым мозгом» (палеокортексом, восходящим к рептилии), «средним мозгом» (мезокортексом) и «новым мозгом» (неокортексом, специфичным для высших млекопитающих и человека). Следовательно, в человеческом сознании имеется как бы два независимых экрана: на один из них проецируется грубый и упрощённый абрис действительности, апеллирующий к низшим инстинктам и невербализированным эмоциям, на другом – возникает более точный, детальный и адекватный образ мира. Психологическая раздвоенность, свойственная человеку, находит подтверждение в материальном субстрате – в «шизо-физиологии» головного мозга.

Сходные рассуждения находим в книге Гари Маркуса «Несовершенный человек». «Когда вы заглядываете внутрь мозга с помощью современных технологий, вы находите дальнейшие свидетельства того, что наши нравственные оценки происходят из двух различных источников: на выбор людей в ситуации моральной дилеммы влияет на то, как они используют свой мозг. В экспериментальных попытках, таких, как упомянутые ранее, испытуемые, которые выбирают спасение пяти жизней ценой одной, обычно полагаются на участки мозга, известные как дорсолатеральная предлобная кора и задняя теменная кора, которая важна для сознательных умозаключений. В то же время люди, которые решают спасти одного человека в ущерб жизни пятерых, склонны полагаться скорее на участки лимбической коры, больше связанные с эмоциями» [Маркус 2011: 123 124].

По мнению Нормана Доджа, человеческий мозг обладает пластичностью. Но это чревато опасностью для людей. Философы с оглядкой анализируют радикальный аспект пластичности – возможность человека произвольно (буквально – по своей воле) влиять на некоторые нейродинамические структуры и их функционирование. Наконец, С. В. Савельев в книге «Ницета мозга» обсуждает парадоксальные принципы морфофункциональной организации мозга, происхождение мышления, двойственность сознания, структурные основы половых и индивидуальных различий. Он анализирует также механизмы формирования социальных инстинктов и церебральные закономерности развития сообществ [Савельев 2014].

С. В. Савельев не разделяет представления о беспредельных возможностях мозга. Мозгу, по его словам, безразлично смысловое содержание его собственной работы, если оно не приводит к повышению энергетических расходов организма. По этой причине человек может с одинаковой убеждёностью верить в зелёных человечков, загробный мир или космическую телепортацию. С. В. Савельев призывает к более объективному изучению мозга. Но к этому выводу, собственно, приходят и другие исследователи. Дело даже не в том, что мозг далеко не всегда способен к объективному постижению мира. Но его отдельные особенности, ресурсы могут иметь свою огромную деструктивную мощь.

Неклассическая антропология оказывается перед выбором: приступить к усовершенствованию мозга, устранению его дисфункций или усилить его мощь техническим ресурсом. Опасны и непредсказуемы оба варианта. И без глубинного погружения в эту тему не обойтись.

Литература

- Гершензон 2015 – *Гершензон М.* Гольфстрем // Гершензон М. Избранное. Мудрость Пушкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 213–309.
- Достоевский 1989 – *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Идиот. Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1989. 680 с.
- Кант 1994а – *Кант И.* Критическое освещение аналитики чистого практического разума // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 480–562.
- Кант 1994б – *Кант И.* Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 153–246.
- Кацура 2016 – *Кацура А. В.* Перспективы человека // Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество. На краю пропасти. М.: Проспект, 2016. С. 126–197.
- Князева 2010 – *Князева Е. Н.* Когнитивная архитектура воплощённого разума как понятие неклассической эпистемологии // *Философия и культура.* 2010. № 2 (26). С. 29–40.
- Маркус 2011 – *Маркус Гари.* Несовершенный человек. Случайность эволюции мозга и её последствия. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 255 с.
- Миркина 2017 – *Миркина Зинаида.* Избранные эссе. Пушкин. Достоевский. Цветаева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 296 с.
- Ницше 1991 – *Ницше Ф.* Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991. 303 с.
- Пелипенко 2017 – *Пелипенко А. А.* Мифоритуальная система. Книга первая. Часть вторая. Медиационная парадигма. М.: РОССПЭН, 2017. 503 с.
- Савельев 2014 – *Савельев С. В.* Нищета мозга. М.: ВЕДИ, 2014. 192 с.
- Смирнов 2016 – *Смирнов С. А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. 438 с.
- Смирнов 2015 – *Смирнов С. А.* Форсайт человека. Опыт по неклассической философии человека. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015. 660 с.
- Сол 2006 – *Сол Дж. Р.* Ублюдки Вольтера: диктатура разума на Западе. М.: АСТ: Астрель, 2006. 895 с.
- Соловьёв 2005 – *Соловьёв Э. Ю.* Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 415 с.
- Шекли 1998 – *Шекли Р.* Верный вопрос // Шекли Р. Охотник-жертва. М.: ЭКСМО-пресс, 1998. С. 196–208.